

## **История философии: казнить нельзя помиловать**

*Событие, взволновавшее философский цех страны: был момент, когда из списка специальностей, по которым могут защищаться философы, удалили специальность «История философии». «РФГ» попросила прокомментировать данный факт декана философского факультета МГУ члена-корреспондента РАН председателя Экспертного совета ВАКа по философии, социологии и культурологии В.В. Миронова.*

**– Владимир Васильевич, такое «ЧП» – было?**

– Было. Правда, все восстановлено и проблем нет. Сейчас, спустя время, я прочитываю то событие как не более чем техническую ошибку. При Академии наук, как известно, создана комиссия, возглавляемая вице-президентом РАН В.В. Козловым, по укрупнению специальностей, и это, кстати, объективно необходимо – их слишком много. Валерия Васильевича я уважаю как ученого, как человека, как организатора и, думаю, он сам заметил несуразность уже в последний момент, поскольку как математик занимается другим. Рассматривая конкретную науку, комиссия принимает вполне логичное решение не оставлять отдельной специальностью историю этой науки – историю физики, историю биологии, история химии и т.д., считая, что она входит в сам предмет. Почему это обосновано? Потому что развитие науки – однонаправленный вектор: последняя по времени научная теория считается наиболее истинной, соответственно, история этой науки хотя и имеет значение, но меньшее.

Но именно с философией другая ситуация! Знания в философии развиваются не векторно и Платон так же современен, как любой наш сегодняшний коллега. Философия – пространство замкнутого смыслового диалога и место истории философии иное. Когда нам из ВАКа продиктовали по телефону предварительный список специальностей, мы были поражены и мгновенно отреагировали. Я подготовил письмо председателю ВАКа академику М.П. Кирпичникову с просьбой сохранить специальность «История философии», которая является мировой научной дисциплиной, письмо подписал также и директор ИФ РАН академик А.А. Гусейнов. Мы понимали, что вряд ли такое решение может состояться, хотя, с другой стороны, у нас все бывает. В итоге: специальность в списке восстановили.

**– Т.е. инцидент исчерпан?**

– Да, но вопросы остались. Решение-то принималось очень важное и почему бы членам комиссии не спросить людей, имеющих отношение к организации философского образования – например, академика В.С. Степина, тогда возглавлявшего Отделение РАН, или академика А.А. Гусейнова, директора института философии РАН, или меня, декана философского факультета, возглавляющего Учебно-методический совет? Почему-то не спросили. Да и, кстати, кто из философов входил в ту комиссию? Ведь если философы не входили – в конце концов, можно забыть, посчитав недоразумением. А если входили? Тогда надо посмотреть им в глаза.

– **Чем же история философии так дорога сердцу философов?**

– В развитии естественных наук личность ученого, конечно, имеет огромное значение, но, тем не менее, если бы Ньютон или Эйнштейн не сформулировали свои законы, эти же законы сформулировали бы другие люди, да и законы выглядели бы точно также. Законы в этом отношении инвариантны, поскольку доминирует математическая форма. Иначе с философией: она «располагается» между наукой и искусством, а искусство создает уникальные произведения. Мы не можем сказать, что картина Рембранта хуже или лучше картины Леонардо: каждая из них уникальна. Вот и в философии огромное количество уникальных произведений: то, что создал Платон, никогда не устареет. Если разрушим храм, то не сможем его восстановить, мы можем построить очень похожий, но не восстановить его. Такова же специфика и философии – в большой степени потому, что изначально она была выпестована тем же искусством, словом, мифом. С другой стороны, философия, безусловно, является также и наукой. Однако, если естественнонаучное знание, как я уже сказал, отбрасывает устаревшие теории, математический аппарат теории Эйнштейна включает в себя в снятом виде теорию Ньютона, то с философией иначе. Как любовь к мудрости, она есть процесс, который никогда не кончается. И если – гипотетично представим себе – мы создали бы вдруг совершеннейшую философию, тогда остальное надо отбросить и история философии в этом случае больше не нужна. Нет, философия – образно говоря – это смысловое пространство, которое «располагается» вне времени и вне физического пространства и поэтому мы все современники – Аристотель, Платон, Сидоров, Петров – мы все друг с другом говорим.

Если уж на то пошло и непременно потребовалось бы что-то выбросить, то лучше давайте выбросим онтологию (не правда ли – странно и даже кощунственно звучит в устах человека, который возглавляет кафедру онтологии?), давайте выбросим гносеологию, социальную философию, но представить себе, что

выбросят историю философии – невозможно: она является центральной дисциплиной современной философии.

**– Она – прошлое, к которому мы относимся особо благоговейно. Так?**

– Не только прошлое. Совсем нередко периферийные участки в истории философии позднее становятся актуальными в философии. Вот, например, «проблема вечного мира» у Канта – она была периферийной даже для самого Канта. И вдруг сегодня в связи с объединением Европы выходит на первый план. Или: поставленная еще Декартом психофизическая проблема, над которой в последние два века работали не очень активно, вдруг именно сегодня становится чрезвычайно актуальной. Кстати, я был поражен, слушая очень интересный доклад на последней сессии Академии наук: ученые провели линию – психофизическая проблема вышла из философии, затем перешла в психологию, затем вышла на нейроруровень, т.е. на уровень исследования мозга как такового, а сегодня, говорят ученые, когда мы исследуем проблему памяти, сознания, мы вновь возвращаемся к философии.

**– А насколько сами философы готовы обсуждать подобные проблемы с представителями естественных наук?**

– Серьезный вопрос. Мы столкнулись с тем, что философию в послеперестроечные годы неправильно стали трактовать как исключительно гуманитарную науку. Она, действительно, с одной стороны – гуманитарная, но с другой – она ближе всего к математике. Кстати, Платон был одновременно математик и философ, впрочем, таких примеров в истории немало. Трактуя философию как гуманитарную науку и строя соответственно с таким пониманием образование, мы наталкиваемся на противоречие.

Скажем, абитуриент не знает математики и, следовательно, его выбор падает на гуманитарный факультет, в частности, на философский, он приходит, а здесь его ждут предметы – философия математики, философия физики, философия биологии, а у него нет оснований. В советское время, как ни парадоксально, было обратное явление, люди шли в философию науки и она, я считаю, тогда была развита не хуже чем на Западе, может быть даже лучше. Этому есть объяснение: человек не шел, скажем, в социальную философию, поскольку пытался уйти от идеологии, поэтому он шел в науку, изучал ее. У нас и сейчас есть прекрасные примеры – Б.Г. Юдин, Д.И. Дубровский: это люди, которые хорошо знают и науку, и философию. Однако для многих современных философов это проблема. Сегодня вновь возрастает потребность привлечения философов к науке, но, к

сожалению, мы имеем очень мало людей, которые хорошо владеют тем, что должен философ знать о науке.

**– Так, наверное, во всем мире: философы – «чайники» в естественных науках...**

– Не скажите. В ноябре – и это, кстати, освещала «РФГ» – Юрген Хабермас приезжал в Москву, блестяще читал лекцию перед аудиторией в пятьсот человек. Перед лекцией я познакомил его с ректором МГУ и Виктор Антонович Садовничий очень удивился, что философ Хабермас, оказывается, сам никогда физикой не занимавшийся, около десяти лет возглавлял институт Макса Планка, где работают крупнейшие физики! Кстати, в Германии это традиция, чему я сам был свидетелем. В Гадельберге я присутствовал на дискуссии между биологами и физиками, а вел дискуссию философ. И это логично: ведущий должен стоять над узкими специальностями. Хотя при этом, как мы понимаем, у философа должна быть высокая культура.

У нас, в советское время, философы тоже вели дискуссии, но, к сожалению, их позиция была идеологизирована и им предписывалось не столько истину искать, сколько наблюдать за осуществлением линии партии. Впрочем, мне кажется, модеризирующая роль философа сегодня должна быть возвращена – ведь кому как не философу находиться над схваткой?

**– А какие еще опасности надвигаются на российскую философию?**

– Мы переходим на принципы Болонского процесса, вводятся новые стандарты, а это объективно уменьшение часов, отводимых на философию и вообще на гуманитарные дисциплины. В каждом вузе, на каждом факультете будут разгораться страсти в борьбе за то, чтобы оставить «свои» дисциплины, уменьшив, соответственно, другие. И может статься, объем преподавания философии сократится в некоторых вузах вдвое, лекции будут читать, скажем, через неделю. Такая опасность существует. Это может коснуться даже факультетов МГУ, хотя в меньшей степени, все-таки, у нас особый статус. К счастью, в свое время, когда стандарты еще только отрабатывались, удалось вообще сохранить философию как обязательный предмет вузовского образования (здесь большую роль сыграл академик В.С. Степин), а если бы тогда философия не была признана обязательной в ряду вузовских дисциплин, сейчас во многих вузах точно заменили бы философию психологией, историей и так далее.

**– Но ведь курс философии нельзя прочесть за произвольно малое количество часов!**

– Да, ситуация какая-то «загнанная». Когда философия обязательна, но при этом сводится лишь к одному семестру, от нее, увы, почти ничего не остается. Надо признать: при таком малом количестве часов, если к тому же тот, кто студентам читает курс, сам не очень талантлив, философия рискует превратиться в неинтересную дисциплину, а в ряде случаев студентам не будет понятно, для чего она вообще нужна. Скажу то, что покажется парадоксальным в устах декана философского факультета: я бы разрешил профессиональному философу преподавать в этот семестр то, что он хочет! Пусть не будет никакого плана, главное – заинтересовать студенческую аудиторию философией. А философом человек станет сам. Пришел в вуз этик читать философию – пусть читает этику, онтолог пришел – пусть читает онтологию. За полгода все равно никакую систему студентам вы как преподаватель не дадите – это очевидно, так надо ли непременно упираться и давать псевдосистему?

**– Болонская конвенция, как видим, выдавливает философию из программы вуза, но такая ли уж «священная корова» сама Болонская конвенция?**

– Я всегда критиковал Болонский процесс – он неизбежно усредняет образование, а среднее не может быть высокого качества. Критиковал, но иногда, признаюсь, закрадывались сомнения – а, может, я неправ, ошибаюсь? И вдруг – целая страна встает против Болонского соглашения: совсем недавно, 17 ноября около 280 тысяч студентов вузов и старшеклассников гимназий 60 городов Германии провели всеобщую забастовку против Болонского процесса, причем это была жесткая манифестация, люди ложились на асфальт, полицейские их оттаскивали и так далее. Основные тезисы: за фундаментальность образования, против усиления платности образования, за доступность образования и т.д. А перед этим, вы помните, массовые выступления молодежи против «Болоньи» потрясли Грецию, а еще до того на улицы с протестом в полном составе вышла Сорбонна! Кстати, в связи с этим нельзя не упомянуть другие интересные события во Франции года два назад, когда студенты переворачивали машины. Российская пресса почему-то свела те выступления к хулиганским действиям, а ведь студенты тонко почувствовали изменение ситуации с образованием. В чем была суть конфликта? Молодежь выступила против предоставления права именно работодателям определять, что преподавать в вузах, а главное – определять будущую судьбу выпускника вуза.

**– Чрезвычайно актуальная постановка проблемы и для российского высшего образования!**

– Классическое образование построено так: тебе в вузе дали фундаментальное образование и, придя на конкретную работу, ты должен чуть-чуть переучиваться

под практику. Через три-пять лет снова придется осваивать в профессии новое, что вполне реально вследствие фундаментальности образования, но, разумеется, работодатель должен немножко потратиться на переподготовку. Работодатели же рассудили проще: студентов полно, образование усредняется – что если дать право работодателю выпускника вуза, юношу или девушку, по прошествии года, как он пришел из вуза, увольнять в любое время, т.е. предоставить работодателю абсолютные права на увольнение. Работодателю это выгодно, ему в этом случае не нужно, чтобы вуз давал фундаментальное образование, он берет человека, который подготовлен определенным образом именно на данный момент, выжимает из него все (вспомним Маркса), потом выбрасывает на улицу, берет следующего подготовленного, и далее по цепочке.

Кстати, вы правы, и у нас было пошла подобная волна, что, якобы, именно работодатели должны определять комплектацию и содержание учебных планов. Но что может в результате получиться – с этим я, в бытность свою проректором, лично столкнулся. К нам на филологический факультет пришел один крупный работодатель с заявкой – нужны филологи! Мы тогда подробно с ним проговорили его потребности – и что же выяснилось? Ему от выпускников нужно владение двумя-тремя языками и страноведением, но точно не классической филологией, за нее, по искреннему убеждению работодателя, он платить не должен. Вы представляете, что могло бы произойти с высшим образованием в стране, если его привязать к мнению работодателя! Да, мы вошли в рыночную эпоху, мнение работодателя в любом случае учитывать надо, особенно, скажем, при подготовке экономиста или бухгалтера, но разве оно может являться главным по всему кругу дисциплин! В том числе и в отношении подготовки философа! Мы иногда забываем: у нас еще есть работодатель – государство! И именно оно в первую очередь должно определять – что ему и всем нам нужно в организации образования!

*Январь 2010*

Беседовал **Сергей Шаракшанэ**

E-mail: sash\_50@mail.ru

Сайт: <http://sergey-sharakshane.narod.ru>